

Исмайлова С. Р., диссертант кафедры уголовного процесса юридического факультета БГУ♦

Субъективизм внутреннего убеждения

Аннотация: Исследуется влияние субъективных начал на процесс формирования внутреннего убеждения.

Рассматриваются правила использования доказательств для исключения субъективизма из процесса их оценки.

Даны предложения по изменению и дополнению действующего законодательства.

Ключевые слова: доказывание; субъективизм; внутреннее убеждение; доказательство; оценка доказательств; критерии; информация.

По существу, вся детально разработанная в уголовном процессе система обжалования принятых решений, наличие апелляционной и кассационной инстанций «работает» на исключение субъективизма при рассмотрении конкретного уголовного дела. Как верно отмечает Н.П. Кузнецов, внутреннее убеждение как чувство уверенности субъектов доказывания в правильности достигнутого ими познавательного результата может оказаться ошибочным, если оно явилось следствием некритичной, односторонней оценки фактических данных, если оно сформировалось на основе недостоверных доказательств. Поэтому оно само нуждается в проверке. Критерием же истинности внутреннего убеждения является практика и только практика (7, с 49).

Внутреннее убеждение отдельных должностных лиц, даже если их профессионализм сомнений не вызывает, не может являться критерием истины в уголовном судопроизводстве. Отметим, что это вовсе не свидетельствует о том, что конкретный субъект доказывания, осуществляющий уголовное

♦Исмайлова Севиндж Рауф кызы – диссертант кафедры уголовного процесса юридического факультета Бакинского госуниверситета, член МОПИ (Азербайджан). E-mail: sid_legalservices@yahoo.com

преследование, не должен нести личную ответственность за решения, в которых он принимал участие. В связи с этим трудно согласиться с точкой зрения С.И. Слодина, различающего незаконность действия как случившийся реальный факт, и субъективную, основанную на конкретных обстоятельствах, уверенность должностного лица в правильности, законности предпринятой им в тот момент акции, что может устранить его персональную ответственность (12, с. 99-100).

Наличие просчетов и упущений в доказывании и формирование на этой основе ошибочного внутреннего убеждения, приведшего к тяжким последствиям, например, осуждению невинного лица, не должно исключать ответственности работника правоохранительного органа или суда. Принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению не означает «индальгенцию» на ошибки и упущения, допускаемые должностными лицами в уголовном судопроизводстве. При этом, однако, подчеркнем, что субъект доказывания – должностное лицо должно нести ответственность не за собственно внутреннее убеждение, а за недостаточно квалифицированные либо ошибочные действия, приведшие к формированию такого убеждения.

Законодатель в ст. 145 УПК Азербайджанской Республики указал, что внутреннее убеждение должно основываться на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всей совокупности доказательств. Подобная формулировка представляется верной, поскольку используемый ранее термин «обстоятельства дела» весьма расплывчатый и недостаточно конкретный, поскольку в ходе расследования и судебного разбирательства устанавливаются обстоятельства не дела, а криминально-значимого события: не преступления, поскольку в ряде случаев ответить на вопрос о том, имело ли место преступление, можно лишь после вступления в законную силу обвинительного приговора. Устанавливаются они посредством формирования доказательств, т.е. поиска, проверки и оценки доказательственной информации об указанном событии. Однако не всякая информация может быть в дальнейшем преобразована в доказательства. Определенная информация утрачивает свое

доказательственное значение вследствие ошибок либо упущений следственных работников, которые не соблюдают требований уголовно-процессуального законодательства.

Как известно, значительный объем данных, которые при определенных условиях, установленных уголовно-процессуальным законом, могут быть преобразованы в доказательства, составляет оперативно-розыскная информация. Представляется, что оперативно-розыскная информация, даже та, на основе которой может быть сформировано доказательство, не должна учитываться при оценке доказательств и выработке внутреннего убеждения субъекта доказывания. Речь идет об оперативно-розыскной информации, полученной из засекреченных источников.

Прежде всего, следует учитывать, что значительная часть подобной оперативно-розыскной информации в силу специфики ее получения отличается невысокой степенью достоверности и носит ориентирующий характер. «Подкрепление» внутреннего убеждения субъекта оценки доказательства такой информацией вполне может дезориентировать следователя, явиться последним доводом для принятия неверного решения о включении в систему доказательственной базы определенного доказательства. Кроме того, законодатель обоснованно предъявляет к субъектам оценки доказательств, перечисленным в ст. 145 УПК, одинаковые требования. Очевидно, что возможностями использовать оперативно-розыскную информацию при оценке доказательств обладают следователь, прокурор, но не суд, который рассматривает дело. Суд оценивает доказательства лишь на основании иных доказательств, имеющих в деле. Он не может и не должен иметь возможности принимать решения на основе информации, имеющей ориентирующее значение. Думается, что в данном случае следует согласиться с разработчиками УПК, которые в ст. 145 сочли необходимым подчеркнуть, что дознаватель, следователь, прокурор, судья и присяжные заседатели оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на

всестороннем, полном и объективном рассмотрении совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств.

Поэтому следует признать необоснованными попытки некоторых авторов ввести в научный оборот термин понятия «сыскное», «уголовно-розыскное», «оперативное доказательство» (6, с. 127). Такое дублирование терминов может привести к подмене практическими работниками доказательств оперативно-розыскной информацией, собранной на определенном этапе расследования.

Согласно ст. 145 УПК при оценке доказательств дознаватель, следователь, прокурор, судья и присяжные заседатели, обязаны руководствоваться законом и своей совестью.

Как известно, в качестве основания для оценки доказательств по внутреннему убеждению, законодатель в ст. 66 УПК Азербайджанской ССР называл правосознание (14, с. 44), роль которого в оценке доказательств субъектом доказывания оценивается в литературе неоднозначно. В частности, ряд авторов выступает против нормативного требования руководствоваться при оценке доказательств правосознанием, поскольку оно поглощается требованием оценивать доказательства, руководствуясь законом (11, с. 8).

По мнению других ученых, правосознание является важным руководящим началом оценки доказательств, поскольку от правосознания судей, прокуроров, следователей зависит то, как они рассматривают значение процессуального закона в доказывании, как они толкуют такие категории, как «достаточность доказательств для принятия решения», «противоречия в доказательствах» и т.д. (11, с. 122-123)

Представляется, что, не следует отказываться от нормативного закрепления требования руководства при оценке доказательств правосознанием. Тем более, что в ст. 25.3 УПК говорится о внутреннем убеждении и правосознании. В современной трактовке под правосознанием понимается совокупность представлений, взглядов, оценок и эмоций,

посредством которых выражается отношение человека и общественных объединений к действующему праву (4, с. 463).

Таким образом, содержание правосознания включает в себя и ценностные установки определенного лица, т.е. определенные нравственные ориентиры. Причем, что представляется важным, нравственный ориентир в данном случае употребляется в контексте сферы деятельности права. Категория же «совесть» более относится к категориям философским, она имеет множество аспектов, трактуется разными представителями философских школ весьма неоднозначно, и употребляется применительно ко всем сферам жизнедеятельности. На наш взгляд, законодатель должен избегать использования в уголовно-процессуальном нормотворчестве категорий такого широкого содержания. Кроме того, категория «совесть» носит международный, общечеловеческий характер и не отражает правовой менталитет граждан той или иной страны, который обычно складывался на протяжении многих столетий.

Особое значение нормативное закрепление категории «правосознание» приобретает, когда речь идет об оценке доказательств непрофессиональными участниками уголовного процесса, в частности, присяжными. Вольно или невольно, присяжные заседатели при оценке доказательств по уголовному делу не могут руководствоваться исключительно здравым смыслом и совестью, как полагают некоторые авторы (2, с. 281-283). Давая оценку доказательствам по уголовному делу, присяжные заседатели не могут профессионально рассуждать о правовой действительности без соотнесения здравого смысла и совести с личным, выработанным годами отношением к сфере уголовного права и процесса. Иными словами, такая оценка не может быть дана ими без проявления своего правосознания.

Таким образом, с нашей точки зрения, необходимо нормативно закрепить положение, в соответствии с которым при оценке доказательств по уголовному делу субъект доказывания, решающий

вопросы виновности и иные вопросы по делу, должен руководствоваться законом и своим правосознанием.

Интерес представляет вопрос о субъектах оценки доказательств по внутреннему убеждению. В статье 145 УПК речь идет лишь о дознавателе, следователе, прокуроре, присяжных заседателях и судье. Именно эти субъекты, указанные в данной статье, обязаны оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению. Значит ли это, что иные субъекты доказывания не обязаны оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению?

Наиболее дискуссионным здесь является вопрос о том, обязан ли адвокат, защищающий обвиняемого, в ходе расследования или судебного разбирательства оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, или он вынужден формировать свое внутреннее убеждение в зависимости от оценки, данной его подзащитным.

Проблемы, касающиеся коллизии между адвокатом и его подзащитным, рассмотрены в литературе достаточно подробно, хотя многие вопросы продолжают оставаться предметом дискуссий. В частности, Р.Р. Ваганькиным формулируется следующий стратегически важный, по его мнению, принцип профессиональной защиты по уголовному делу: доказательства, противоречащие версии подзащитного, - сомнительны либо могут быть интерпретированы иначе, чем они используются обвинением (5, с. 211).

На наш взгляд, данный принцип в свою очередь, вызывает определенные сомнения. При таком подходе получается, что адвокат уже на первой встрече с подзащитным, даже не ознакомившись с доказательствами по делу, обязан в силу профессиональной этики согласиться и неуклонно отстаивать версию подзащитного, непременно согласиться с внутренним убеждением своего подзащитного относительно оценки доказательств, сформированных на данный период следствием. При этом он лишается права выработать свое внутреннее убеждение по поводу доказательственной базы.

Представляется, что адвокат, который обычно является профессиональным юристом, после ознакомления с доказательствами по делу обязан выработать свое внутреннее убеждение по поводу имеющих в деле доказательств. Более того, он должен довести до подзащитного свою точку зрения, касающуюся достоверности, относимости, допустимости и достаточности конкретных доказательств вины его подзащитного. При этом защитник должен профессионально разъяснить наиболее вероятные оценки того или иного доказательства следователем, прокурором и, что особенно важно, судьями, которые будут рассматривать уголовное дело. Адвокат обязан указать своему подзащитному, что определенные доказательства, в том числе подтверждающие виновность подзащитного, соответствуют всем требованиям процессуальной формы и подтверждаются иными доказательствами, имеющимися в деле. Думается, что в данном случае не противоречит профессиональной этике, а, напротив, соответствует ей, разъяснение подзащитному, что, скорее всего, указанные доказательства будут положены в основу обвинения не только следователем, но и судом.

Однако, следует особо подчеркнуть, что адвокат не имеет права навязывать свою оценку доказательств подзащитному. Если подзащитный не согласен с внутренним убеждением адвоката по поводу оценки того или иного доказательства, адвокат обязан руководствоваться мнением своего подзащитного и принять все, не противоречащее закону меры к тому, чтобы поставить под сомнение доказательства, противоречащие версии подзащитного. Иными словами, адвокат имеет право на оценку доказательств по своему внутреннему убеждению, но не вправе использовать его, если с такой оценкой не согласен его подзащитный. В данном случае следует согласиться с утверждением о том, что даже если защитник убежден в виновности своего клиента, но тот продолжает отрицать свою вину, защитник, настаивая на доводах, говорящих в пользу невиновности клиента, не говорит неправды, он лишь выполняет лежащую

на нем обязанность до конца отстаивать законное притязание обвиняемого не быть осужденным без изобличения его виновности (10, с. 50-51).

В юридической литературе, посвященной проблемам доказательств и доказыванию, дискуссионным является и вопрос о том, могут ли субъекты доказывания использовать в уголовном процессе доказательства, достоверность которых вызывает у них сомнения. Есть мнение, что каждый процесс доказывания должен завершаться возникновением уверенности (внутреннего убеждения) в достоверности доказательств; если ее нет, значит, доказывание страдает изъянами, значит от оценки доказательств необходимо вернуться к собиранию и проверке доказательств (7, с. 224).

Как отмечено С.И. Одинцовым, большинство американских правоведов - специалистов в области уголовного процесса также придерживаются правила, согласно которому доказанность вины вне разумного сомнения — это доказанность, которая оставляет лицо в твердом убеждении, что обвиняемый виновен. Под разумным американские юристы понимают, в частности, сомнение, которое основано на разуме и здравом смысле и может возникнуть в результате тщательного и беспристрастного рассмотрения всех доказательств, либо в результате недостаточности доказательств (9, с. 188-189).

Согласно другой точке зрения, совокупность доказательств, «достаточных» для определенного решения, не всегда означает, что в эту совокупность входят доказательства, достоверность каждого из которых уже установлена. Так, в момент привлечения лица в качестве обвиняемого следователь должен располагать достаточными доказательствами об обстоятельствах, необходимых для вынесения решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, однако, поскольку следствие к этому моменту не заканчивается, продолжается и проверка достоверности имеющихся доказательств и собирание новых доказательств (1, с. 261-262).

Представляется, что в данном случае вопрос о возможности использования в доказывании доказательственной информации,

достоверность которой вызывает определенные сомнения у субъекта доказывания, должен решаться с учетом процессуального положения и процессуального интереса такого субъекта.

Субъекты уголовного процесса, осуществляющие по делу уголовное преследование не вправе использовать в уголовном процессе доказательства, достоверность которых вызывает у них какие-либо сомнения. Думается, нельзя согласиться с утверждением П.А. Лупинской, что для принятия процессуальных решений следователь в совокупности с другими может использовать доказательство, достоверность которого не установлена (8, с. 27-32). Как отмечалось ранее, достоверность является одним из обязательных, необходимых свойств доказательств.

Когда информация, имеющая отношение к уголовному делу, не окончательно оценена с точки зрения ее достоверности, она не может считаться доказательством вообще. В лучшем случае, ее можно назвать доказательственной информацией, т.е. уголовно-релевантной информацией, находящейся в процессе преобразования ее в собственно доказательство. Использование же такой информации, как некое «полуфабриката» доказательства для принятия важных процессуальных решений - задержания, ареста, предъявления обвинения, на наш взгляд недопустимо. К чему может привести использование таких «не до конца проверенных» доказательств, хотя бы и в совокупности с другими, свидетельствуют примеры из судебной практики.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Азербайджанской Республики признала, что по делу Агаева, осужденного 16 июля 2005 года Судом по тяжким преступлениям за вымогательство по предварительному сговору группой лиц, органами следствия и судом не было добыто достаточных доказательств для вывода о виновности осужденного и приговор в отношении него в значительной степени основан на предположениях. В связи с невозможностью установить другие доказательства, судебная коллегия отменила приговор и дело в отношении

Агаева прекратила за недоказанностью его участия в совершении преступления.

Требование об использовании в уголовном процессе лишь достоверных доказательств должно распространяться на всех субъектов доказывания. Сказанное не означает, что всякое сомнение для указанных субъектов должно быть исключено из процесса доказывания. Напротив, признанию информации доказательством должен предшествовать процесс ее тщательной оценки, в ходе которой эта информация должна исследоваться с различных аспектов. Такая проверка в большинстве случаев невозможна без возникновения у субъектов доказывания определенных сомнений по поводу ее соответствия критериям доказательств. Более того, следует признать наличие таких сомнений положительным фактором, позволяющим избежать обвинительного уклона суду и субъектам уголовного судопроизводства, осуществляющим уголовное преследование.

Как верно отмечает С.Б. Рахманов, наличие неустранимого сомнения о факте, обосновывающем обвинение, влечет его исключение из системы доказательств, и тем самым сомнение толкуется в пользу обвиняемого; при наличии неустранимого сомнения в факте, опровергающем обвинение, и, следовательно, оправдывающем обвиняемого, этот факт остается в системе доказательств, пока не будет полностью опровергнут, и, следовательно, возникшее сомнение тоже толкуется в пользу обвиняемого (3, с. 128).

Особо следует отметить, что если после тщательной оценки уголовно-релевантной информации у перечисленных субъектов остались какие-либо сомнения в ее достоверности, она не может быть расценена как доказательство и, следовательно, использована для принятия решений по делу.

Вместе с тем, процессуальный интерес у таких участников процесса, как подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) и его защитник выражается в защите от обвинения всеми законными способами и средствами. Адвокат вправе использовать в уголовном процессе информацию, в достоверности

которой он лично сомневается, но она «работает» на версию защиты. Следует согласиться с точкой зрения о том, что адвокат вправе аргументировать перед судом и перед органами предварительного расследования в пользу таких юридических выводов, в правильности которых он не убежден (10, с. 53). Однако в данном случае некорректно говорить о том, что адвокат использует доказательства, ведь он не уверен в их достоверности. Термин «сомнительные» доказательства сам по себе не имеет права на существование в теории уголовного процесса.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы: а) сомнения в процессе доказывания и формирования доказательств оправданы и являются позитивным фактором, но использоваться в качестве доказательств в уголовном процессе должны лишь данные, достоверность которых после их оценки не вызывает у субъектов доказывания каких-либо сомнений; б) субъекты доказывания, представляющие сторону защиты, вправе использовать в уголовном процессе в целях защиты данные, в достоверности которых они не убеждены; субъекты доказывания, осуществляющие уголовное преследование и суд, такого права не имеют.

Библиография

1. Афанасьев И.Г. Доказывание и доказательства в уголовном процессе. Свердловск, «Темп», 2006
2. Билибин Р.Р. Оценка доказательств в уголовном процессе. Уфа: «Мысль», 2007
3. Билибин Р.Р. Рахманов С.Б. Собираение и оценка доказательств Уфа: «Мысль», 2006
4. Большая юридическая энциклопедия. М., Эксмо, 2008
5. Ваганькин Р.Р. Проблемы доказывания и доказательств. Караганда, Ритм, 2007
6. Карагенцев К.И. Доказательства в уголовном процессе. Тверь, Мысль, 2006

7. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж. 1995
8. Лупинская П.А. Принципы уголовного процесса; доказательства в уголовном процессе//Уголовно-процессуальное право. М., 1997
9. Одинцов С.И. Доказательства: сборание и оценка. Пятигорск, Свет, 2007
10. Полянский Н.Н. Правда и ложь в уголовной защите. М., 1927
11. Резник Г.М. Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук, М., 1969
12. Слодин С.И., Рогозин И.К. Оценка доказательств в уголовном процессе. Омск, 2007
13. Сологуб П.И. Доказательства: оценка, относимость, допустимость. Красноярск, «Победа», 2006
14. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской ССР Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1987